

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. МИХАИЛА, КНЯЗЯ ЧЕРНИГОВСКАГО.

О ДАРѢ ЯЗЫКОВЪ
ВЪ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.

В. Сухановъ.

ЧЕРНИГОВЪ.
ЕПАРХИАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1914.

О даре языков в древней Церкви¹.

I.

Дар языков или, как обыкновенно говорят, глоссолалия, представляет собою чрезвычайное и исключительное, никогда после не повторявшееся в истории, но вместе с тем довольно распространенное явление в жизни верующих первых двух веков христианства. Пред Своим вознесением Спаситель обетовал, что этот дар, среди прочих знамений (*σημεία*), будет сопутствовать искренней и глубокой вере в Него: уверовавшие в Него, обетовал Он, «будут говорить новыми языками» (*γλώσσαις λαλήσουσιν καιναῖς*,— Мрк. 16, 17). Действительно, на первых же страницах Апостольской истории мы читаем, что «через несколько дней» после вознесения Господня, в течение которых ближайшие последователи Христа «единодушно пребывали в молитве и молении» (Деян. 1, 14) и с верою слову своего Учителя ждали облечься «силою свыше», чтобы стать свидетелями о Христе «даже до края земли» (Лук. 24, 49. Деян. 1, 5. 8), в великий день Пятидесятницы пришел «иной Утешитель» (Иоанн. 14, 16—17. 26. 15, 26. 16,7—14), юная Церковь Христова «исполнилась Духа Св.» (Деян. 2, 1—4), и явление силы Его, начало особенного присутствия Его в ней открылось в том, что «исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках (*λαλεῖν ἐτέροις γλώσσαις*), как Дух давал им провещевать»

¹ **Литература:** Комментарий о.о. Церкви по *Catenaе Graecorum Patrum in Novum Testamentum* I. A. Cramer'a. Oхonii. 1844. Том. 3 и 5. Творения св. Иоанна Златоустого, изд. С.П.Б. Дух, Акад.: Беседы на Деяния, на I-е послание к Коринфянам, первая и вторая беседы на св. Пятидесятницу. Блаж. Феодорит. Толкование на I-е к Коринфянам. Творения. Ч. VII. Москва. 1861. Григорий Богослов. Слово 41-е. Творения. Ч. IV. Москва. 1889. Блаж. Феофилакт. Толкования на Новый Завет. Том 5, ч. I-ая; Т. 6-ой. Казань. 1906. Еп. Феофан. Толкование первого послания Св. ап. Павла к Коринфянам. Москва. 1893.—М. Барсов. Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний св. Апостолов и Апокалипсиса. Симбирск. 1894. Проф. М. Голубев. Обзорение посланий св. ап. Павла к Коринфянам. Том I. Спб. 1861. Проф. Муретов. Пророчество и языкоговорение (глоссолалия) как знамения для верующих и неверующих, в Богосл. Вестнике за 1904. т. 2-ой. Ф. И. Мищенко. Речи св. ап. Петра в книге Деяний Апостольских. Киев. 1907. Свящ. М. Фивейский. Духовные дарования в первоначальной христианской Церкви. Москва. 1907. Краткие замечания о глоссолалии в статье Свящ. И. Гумилевского «Апостольское понимание богослужебного чина». Богословский Вестник. 1913 г. Февраль.— Hofmann. Die heilige Schrift neuen Testaments. 2. Th., 2 Abth. Nördlingen. 1864. R. Cornely. Commentarius in S. Pauli Apostoli epistolas. II. Prior epistola ad Corinthios. Parisiis. 1890. Wendt. Die Apostelgeschichte. Göttingen. 1899. Feine. Zungenreden,—статья в 21-м томе Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche herausg. A. Hauck. I. Weiss. Der erste Korintherbrief. Göttingen. 1910. Кроме того мы пользовались новозаветными лексиконами Н. Cremer'a *Biblisch—theologisches Wörterbuch der Neutestamentlichen Gräcität*. Gotha. 1902; Schleusner'a *Novum lexicon graeco-latinum in Novum Testamentum*. Т. I п 2. Lipsiae. 1819; F. Zorell'я *Novi Testamenti lexicon graecum*. Parisiis. 1911 и *Synonymik des Neutestamentlichen Griechisch* Gerhard'a Heine. Leipzig. R. 1898. Греческий текст Деяний и 1-го послания к Коринфянам приводится нами по Eberhard Nestle. *Novum Testamentum Graece et latine. Editio tertia recognita*. Stuttgart. 1910.

(ἀποφθέγγεσθαι,—Деян. 2, 4). Позднее дарованием языков Корнилию и «многим собравшимся» в доме его (10. 44, срв. 27) Св. Дух указал, что и язычникам должна быть беспрепятственно открыта «дверь веры» (14, 27. 15, 4): «верующие из обрезанных, рассказывает Деесписатель,... изумились, что дар Св. Духа излился и на язычников, ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога» (λαλούντων γλώσσαις καὶ μεγαλυνόντων τὸν Θεόν,— Деян. 10, 45—46). Еще позднее, когда Св. Павел крестил в Ефесе учеников Иоанновых (19, 1—5), дар языков засвидетельствовал о бесконечной разнице между крещением Иоанновым и крещением «во Христа Иисуса»: «когда Павел возложил на этих учеников руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить языками и пророчествовать» (ἐλάλουν τε γλώσσαις καὶ ἐπροφήτευσον,— 19,6). Наконец, Ап. Павел в своем первом послании к Коринфянам вопросу о даре языков посвящает почти целую главу (14, 1—28. 39 — 40), основная мысль которой та, что дар языков бесполезен для «назидания» Церкви, если он не соединяется с даром истолкования, и что, следовательно, напрасно, новообращенные коринфяне, с детским легкомыслием (срв. 1 Кор. 14, 20), предпочитают его дару пророчества. Больше новозаветные писания не упоминают о даре языков. Но и указанные места говорят за то, что этот дар не редко посылался верующим. Он не иссякал в Церкви до дней Иринея Лионского, который пишет о себе и своих современниках: (Contr. haer. V, 6, 1. Cfr. Euseb. eccl. hist. V, 7) «мы слышим (ἀκούομεν) многих братьев в Церкви, имеющих пророческие дарования и чрез (Святого) Духа говорящих различными языками (παντοδαπαῖς λαλούντων διὰ τοῦ πνεύματος γλώσσαις) и для общей пользы выводящих наружу сокровенное (τὰ κρύφια) людей и изъясняющих тайны Божии (μυστήρια τοῦ Θεοῦ)». Позднейшие церковные писатели не упоминают о глоссолалии, как современном им явлении, а Златоуст, приступая к объяснению отдела о духовных дарованиях (12—14 гл.) в первом послании к Коринфянам, замечает: «все это место очень неясно; неясность же производит незнание и отсутствие фактов, некогда случавшихся, а теперь не встречающихся (οὐ γινόμενων)». Следовательно, в его время харисмы, в том числе и дар языков, уже оскудели в Церкви.

В чем же состояло явление глоссолалии в древней Церкви? Рассказ Св. Луки о событии в день Пятидесятницы настолько ясен, его выражение, что исполнившиеся Св. Духа галилеяне (Деян. 2. 7) начали λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις (ст. 4) в связи с замечанием, что слушатели, собравшиеся со всех стран тогдашней Римской империи (стт. 7—11), слышали «каждый собственное наречие (τῇ ἰδίᾳ διαλεχτῷ), в котором родились» (ст. 8) и изумлялись, как мы «слышим их нашими языками говорящих (λαλούντων αὐτῶν ταῖς ἡμετέροις γλώσσαις) о великих [делах] Божиих» (ст. 11),— настолько определенно, что, кажется, не может быть двух мнений в понимании повествования автора книги Деяний. Он ясно и определенно описывает глоссолалию галилеян, как дар глаголения на иностранных языках, «как Дух давал им (галилеянам) провещевать». Даже рационалисты, напр. Zeller, Spitta, не решаются перетолковывать рассказ св. Луки и лишь отрицают его историческую достоверность. В двух других местах книги Деяний (10,46. 19, 6), в Евангелии Марка (16, 17) и в послании Ап. Павла (1 Кор. 12—14 гл.) ни одним словом прямо не упоминается об иностранном характере языка глоссолатов, но ничто и не противоречит пониманию глоссолалии именно как глаголения на иностранных языках. Сопоставляя повествование Деяний Апостольских с учением Ап. Павла и следуя основному положению церковного экзегезиса: «incerta de certis et obscura de manifestis praejudicari» (Tertulliani de resurrect. carnis, cap. 21. Cfr. Adv. Prax., cap. 20. De pudic. c. 17), церковное предание, поскольку оно записано в творениях отцов и писателей Церкви², в

² Мы разумеем Иринея Лионского, Тертуллиана, Оригена, Кирилла Иерусалимского, Григория Назианзина, Григория Нисского, Златоуста, Иеронима, Августина, Кирилла Александрийского, Льва Великого, Григория Великого. Срв. мнения Филастрия, Максима Турского. Выдержки из творений указанных авторов собраны, напр., в сочинении Englmann'a Von. den Charismen im Allgemeinen und von dem Sprachen—

Постановлениях Апостольских (VIII, 1), а также в песнопениях «святые Пентикостии», утвердило то понимание, что дар языков в древней Церкви выражался в глаголении на иностранных, доселе неизвестных глоссолалам языках. Так понимает глоссолалию и большинство новейших экзегетов, в том числе все русские за исключением, поскольку нам известно, о. М. Фивейского (срв. еще о. Ил. Гумилевского).

Но в классическом месте о даре языков у Ап. Павла (1 Кор. 12—14 гл.) ничто прямо, ясно и точно не указывает на глоссолалию, как речь на иностранных языках, и многое, наоборот, по-видимому, решительным образом говорит против такого представления о ней, и прежде всего именно то, что Ап. Павел не мог бы, напр., воспользоваться выражением *ῥένη φωνῶν* в смысле «различных слов» (1 Кор. 14, 10 сл.), как аналогией для дара языков, если бы сама глоссолалия, по его пониманию, и была речью на языках разных народов, так как что могла бы тогда пояснить такая аналогия *idem per idem*? Далее, язык глоссолала не был бы непонятен в том случае, если бы за богослужением присутствовали знающие другие языки, между тем, по словам Апостола, всегда был необходим дар «истолкования», чтобы сделать речь глоссолала понятной (1 Кор. 14, 5. 6. 13); *λαλεῖν γλώσσαις*, глаголению языками у него противопоставляется не речь *ἰδίᾳ διαλέκτῳ*, на родном языке, а или речь *ἐν τῷ νοῦ* или понятная речь... С другой стороны, возможно оспаривать понимание глоссолалии, как глаголения на разных языках, даже на основании текста книги Деяний, какую попытку и делает Wendt (срв. Feine). Наконец, если дар языков, что утверждают очень часто, сообщал *постоянное знание* иностранных языков, то такому утверждению противоречат некоторые исторические факты, напр.: а) что Апостолы пользовались истолкователями или толмачами (*ἑρμηνευτῆς*): Петр — Марком (Euseb. hist. eccles: III, 39; Irenäus Contr. haer. III, 10, 6 и др.), Павел — Титом (Hieronimi ep. 120 [al. 150] ad Hebridiam, II); б) что Ап. Павел который «более других говорил языками» (1 Кор. 14, 18), однако, не понимал языка Ликаонцев (Деян. 14, 11—14); в) что греческий язык новозаветных писателей содержит много гебраизмов, следовательно, эти писатели владели им не в совершенстве.— Все эти соображения вызвали обширную литературу о даре языков, отголоском которой у нас является диссертация о. М. Фивейского «Духовные дарования в первоначальной христианской церкви» (Москва. 1907)—, вызвали целый ряд гипотез и экзегетических теорий, различно объясняющих глоссолалию, но сходящихся в том, что она не была речью на иностранных языках.

II.

Исходный пункт всех этих разнообразных глоссолалических теорий и гипотез— термин *γλώσσα*. Дар языков в новозаветных писаниях называется неодинаково: роды языков (*ῥένη γλωσσῶν*,—1 Кор. 12, 10. 28); языки (*γλώσσαις*,—13. 83); говорить языком (*λαλεῖν γλώσσῃ*,—14, 2, 4 etc.), и это даже о многих говорящих (14, 9); говорить языками (*λαλεῖν γλώσσαις*,—12, 30; 13, 1; 14, 5 etc.; Деян. 10, 46: 19, 6), даже когда речь об одном говорящем (13, 1. 14, 5 и др.); говорить новыми языками (*λαλεῖν χαιναῖς γλώσσαις*,—Мрк. 16, 17); говорить иными языками (*ἑτέροις γλώσσαις λαλεῖν*,—Деян. 2, 4). Общее во всех названиях—термин *γλώσσα*, который преимущественно имеет три значения: 1) *γλώσσα* = язык, как член тела (Мр. 7, 33. Лк. 16, 24. Иак. 3, 5 сл. 8. Апок. 16, 10), орган речи (Мр. 7, 35. Лк. 1, 64. Рим. 3, 13; 1 Иоанн. 3, 18. Деян. 2, 26. Иак. 1, 26. 1 Петр. 3, 10. Рим. 14, 11. Фил. 2, 11, срв. Деян. 2, 3); 2) метонимически *γλώσσα* есть то, что мы говорим, самая речь, нем. Sprache, как средство общения людей, но так как у каждого народа свой особый Sprache, как средство такого общения, то *γλώσσα* синоним с *διάλεκτος*, т. е., со Sprache,

Charisma im Besonderen. Regensburg. 1848. Ss. 296—302. Также думают блаж. Феодорит, Экумений, блажен. Феофилакт Болгарский и др.

как образом выражения, свойственным каждому отдельному народу, в смысле язык еврейский, язык греческий и т. д. (Деян. 2, 11—2, 6. 8, срв. 1, 19); с таким значением *γλωσσα* встречается у Ксенофонта, часто у Геродота: гебраизированное *γλωσσαί* употребляется как синоним *ἔθνη, λαοί, ὄχλα, φυλαί* (Апок. 5, 9. 7, 9. 10, 11. 11, 9. 13, 7. 14, 6. 17, 15, срв. Ис. 66, 18. Дан. 3, 4. 5, 19. Иудиф. 3, 8),—и 3) наконец, у позднейших писателей *γλωσσαί, γλωσσήματα*, как *terminus technicus*, обозначают неупотребительные, поэтические, темные выражения, провинциализмы, идиотизмы.

Каждая теория и гипотеза глоссолалии примыкает к тому или иному значению слова *γλωσσα*; поэтому, несмотря на вариации в частностях, есть собственно три теории или гипотезы глоссолалий, три попытки разрешить эту тайну сфинкса для о. Фивейского, которая «до настоящего времени не разрешена и не будет разрешена удовлетворительно, если только не будут открыты новые документы, проливающие свет и на данный предмет».

А. Когда слово *γλωσσα* переводят немецким *Zunge*, то дар языков понимают, так сказать, физиологически, в том смысле, что *γλωσση λαλεῖν* есть речь *только языком*, причем *νοῦς* (или воля или центральная нервная система) в состоянии глоссолалии перестает функционировать, и исключительно только язык приводится в движение сверхъестественным воздействием Духа (*lediglich die Zunge ist durch den übernatürlichen Motor des Geistes in Bewegung gesetzt*); Дух пользуется человеком, именно языком человека, как безвольным органом, чтобы проявиться во вне (*als willenloses Organ seiner Äusserungen benutzt*). Впервые эту гипотезу глоссолалии предложил Bardili. После него её защищали Eichhorn, Neander, Wieseler, K. Schmidt, Meyer, Schulz etc, в новейшее время Holsten. По существу её же держится и Feine. Holsten утверждает: «если *νοῦς* не участвовал в глоссолалии, но *πνεῦμα* приводил в движение в человеке только механизм его речи, прежде всего язык, то справедливо такую речь называют *γλωσση λαλεῖν, говорить языком, но не сознательно* (*mit Zunge, nicht mit Bewusstsein*). В этой формуле прежде всего нашло свое ясное, характерное выражение различие бессознательной формы речи *πνεῦμα* (духа) от вполне сознательной. В таком смысле (*und so*) пользовался и определил выражение Павел»: «но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим (*τῷ νοῦ μου*)... нежели тьму слов на [незнакомом] языке» (*ἐν γλώσση*,—1 Кор. 14, 19). Feine добавляет, что эта речь языком «была экстатической речью, которая от вздохов, стонов, ликования, криков, лепетания могла переходить в бессвязные и необычные слова (вроде: авва, осанна, аллилуйя, маранафа) и в связную речь из странных восторженных слов (*in seltsam klingenden jubelnden Worten*), которые производили впечатление восторженной молитвы и псалмодического славословия Бога». Совершенно естественно, что защитники такой теории глоссолалии находят явления и параллели «формально родственные» дару языков и в Ветхом Завете, именно в явлениях, виновником которых был или Дух Божий, или злой дух (беснование, вдохновение) и которые выражались в экзальтированных, восторженных движениях и в экзальтированных, экстатических речах (срв. Числ. 11,25—30. 1 Цар. 10, 6. 10. 18, 10. 19, 19—24. Иер. 29, 26. 4 Цар. 9, 11: «неистовый» о пророческом ученике. 1 Цар. 18, 28 сл.; историю Валаама, Числ. 23, 5 слл. 16 слл. 24, 2 слл.), и в Греко-римском мире, именно в Фракийском оргиастическом культе Диониса и чрез его посредство в Греции: глоссолали, оказывается, подобен дельфийской Пифии, которая, сидя на своем треножнике, в экстазе произносила никому непонятные слова и обрывки мыслей... А так как далее ни рассказ св. Луки, ни заключение евангелия Марка не укладываются в рамки *γλωσσα = Zunge*, то вполне понятно, что, допустив такое отождествление, отвергают подлинность заключения евангелия Марка и считают легендой рассказ св. Луки, утверждая, что повествование автора книги Деяний о бывшем в Пятидесятницу в настоящей его редакции, в смысле чуда языков, есть позднейшая переработка и что будто бы первоначально Деяния о глоссолалии в Пятидесятницу сообщали не больше того, что мы знаем о ней от Ап. Павла.

В русской литературе видоизменение только что изложенной гипотезы глоссолалии дал свящ. М. Фивейский в упомянутой своей работе. М. Фивейский не отрицает подлинности заключения евангелия Марка, в повествовании св. Луки видит не легенду, а рассказ о событии, которое «носило на себе чудесный характер»; не признает состояние глоссолала экстатическим, но полагая, что «формулы *γλώσσαίς* или *γλώσση, ἐν γλώσση* и проч. *λαλεῖν* означают просто—звучать при помощи языка, или какого-либо другого голосового органа", «что для обозначения глоссолалических явлений ап. Павел пользуется музыкально—гимнологическими терминами», а эти «термины могли прежде всего и служить для обозначения музыкально—гимнологических явлений», он считает глоссолалию «одним из видов такого рода явлений» и сущность этого дара св. Духа уясняет так. «Допустим, говорит он, что какую-нибудь философскую лекцию, прекрасно изложенную, хорошо произносимую и вполне понятную для нас слушает какой-нибудь пятилетний ребенок. Для него эта лекция будет совершенно непонятна. Таким образом, то, что для взрослых и получивших философскую подготовку людей не бывает глоссолалией, для малолетнего ребенка *то же* самое вполне *глоссолалия*. Латинское богослужение в римско-католической церкви, «вполне понятное для католических пастырей» не будет для них глоссолалией, но непонятное для незнающих латинского языка присутствующих и молящихся в костеле оно «представляется вполне глоссолалией». «Какой-нибудь из наших русских чтецов, читающий невнятно и плохо среди собравшегося в храме простого народа какие-нибудь незнакомые паремии или кафизмы»— тоже глоссолал. Конечно, такое чтение да еще «незнакомых паремий или кафизм» не принесет слушателям никакой пользы. Чтобы сделать свою речь понятной, следовательно, и полезной для Церкви, глоссолал должен иметь еще дар истолкования, который, по Апостолу, необходим, чтобы передать, сделать понятной для слушателей речь глоссолала. «Священнослужитель», продолжает наш автор, «который произносит возгласы или молитвы так, что никаких слов разобрать невозможно, есть в полном смысле и по отношению ко многим, присутствующим при богослужении, «говорящий языком»,— и ему нужно молиться, чтобы речь его сделалась понятною». Необходимость дара истолкования при даре языков особенно очевидна, если вникнуть в смысл наставления Апостола: «если кто говорит на (незнакомом) языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй» (I Кор. 14, 27). «Вообразим, объясняет это наставление о. Фивейский, какой-нибудь парадный обед, где участвует множество разных лиц... Если (за этим обедом) говорят многие, так что поднимается общий шум, в котором нельзя расслышать или понять отдельных слов, то это будет *глоссолалия*. Но в скромных собраниях... обыкновенно... разговаривают только соседи, или же сидящие по сторонам одного лица двое или *самое большее* (?) трое людей переговариваются между собою, при чем если кто-нибудь чего-нибудь недослышит, то сидящий в середине повторяет или объясняет сказанное своим соседям. Вот к этому последнему случаю, по-видимому, с полною точностью и могли бы быть приложены слова Апостола: (говорите) «по двое или самое большее по трое»... Мы, конечно, не можем определить в точности, что именно и как происходило в коринфских собраниях и было ли тамошнее говорение похоже на то, которое происходит на наших парадных обедах... Однако, можем думать, что что-то такое подобное было и там»... Приведенных черт, кажется, более чем достаточно для обрисовки глоссолалической теории о. Фивейского. Мы не преувеличили, не сгустили красок. Слово принадлежало самому о. Фивейскому, и справедливость нашей характеристики его теории он сам подтверждает, когда замечает: «Мы обращаемся к сомнительным объяснениям глоссолалии при помощи иностранных языков или нелепых рассуждений об экстатическом состоянии глоссолалистов, об их бессмысленных выкрикиваниях разных отрывочных звуков, и при этом вовсе не замечаем, что глоссолалия, так сказать, разлита вокруг нас, и при том в самых широких размерах, составляет особенно в Церкви самое обычное явление, существовавшее в ней во все века.

Вот как все просто и ясно... Правда, немного странно сначала заявить, что, «по несомненному свидетельству апостола», дар языков и дар истолкования—чудесные и необычайные дары Св. Духа, а потом объяснить, что чудесный дар языков лишь бормотание сельского дьячка, а чудесный дар истолкования—свыше, по особой молитве, даруемая священнослужителю способность «читать не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой»... Это, конечно, довольно своеобразное представление о Св. Духе и Его необычайных дарах, но можно ведь увлечься и забыть, что пишешь о чудесных дарах Св. Духа...

Детальный разбор теории нашего автора не нужен: она так «оригинальна», что *per se* свидетельствует о своей ценности. Существенные недостатки её те же, что и физиологической теории глоссолалии. Если *γλῶσσα* только орган речи, то защитники этого взгляда слова Апостола: *ἐὰν γὰρ προσεύχομαι γλῶσση, τὸ πνεῦμά μου προσεύχεται* (ибо если я молюсь языком, то дух мой молится,—1 Кор. 14, 14), должны бы перефразировать приблизительно так: *«ἐὰν γὰρ προσεύχομαι γλῶσση, ἡ γλῶσσά μου προσεύχεται διὰ τοῦ πνεύματος»* (ибо если я молюсь языком, то язык мой молится силою духа), или в интерпретации о. Фивейского: «кто молится только языком,— у того говорят только уста, шевелятся только губы, *дыхание его молится*»... Но нужно слишком много фантазии, чтобы представить «язык» или «дыхание» в позе молящегося... Ясно далее, что при таком понимании слова *γλῶσσα* множ. ч. *γλῶσσαις* при един. ч. субъекта ни в коем случае не может стоять: «говорили языками» (1 Кор. 14, 5), «более всех вас говорю языками» (14, 18, срв. 13, 1). У одного человека не два или три органа слова, а один, об одном человеке, если *γλῶσσα* = Zunge, Апостол всегда должен был бы выражаться только *γλῶσση λαλεῖν* или *ἐν γλῶσση λαλεῖν*. Как затем должно быть объяснено выражение *γένη γλωσσῶν*, «разные языки», которые, по 12, 10, даруются одному человеку. Что значит тогда замечание: «когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть язык» (14, 26)? Как будто, когда верующие не сходились в Церковь, у них не было и языков? Ничто в *γλῶσση λαλεῖν* не указывает на лепетание, шепот и прочие симптомы просто только невнятного и потому непонятного для слушателей движения языка. Наоборот, глоссолат произносил членораздельные *λόγοι*, (14, 19), которые несомненно были непонятны для слушателей, однако, всегда представляли из себя нечто в роде псалма, благословения или молитвы (срв. 14, 14—17) и через толкование могли быть переведены на обычный язык собравшихся в церковь. Наконец, самое выражение *γλῶσση λαλεῖν* лишено всякого смысла, если *γλῶσσα* только язык—орган слова: само собою понятно, что всякая речь, всякое слово произносится языком, а не ушами или ногами,— *γλῶσσα* — лишнее слово.

В. Другие, особенно Bleek, Heinrici, J. Weiss, принимают слово *γλῶσσα* в том значении, какое оно имело на языке школы, у грамматиков *Γλῶσσαι* = а) устарелые выражения (у Галена, Марка Аврелия), б) выражения иностранные и необычные, не всякому понятные (у Аристотеля, Секста Эмпирика, Плутарха), в) избранные поэтические выражения (у Дионисия Галикарнасского, у *Квинтилиана*³). Общее в этих значениях то, что *γλῶσσαι*—необычные, без особого, смотря по обстоятельствам, истолкования непонятные выражения. Ап. Павел, когда пишет Коринфянам, харисму языков будто бы и называет собственно *γλῶσσαι* или *γένη γλωσσῶν*, У него не встречается выражение *γλωσσαλαλία*. В перечислении дарований Св. Духа (1 Кор. 12, 10. 28) стоит не *γλῶσσαις λαλεῖν*, но *γένη γλωσσῶν*, в 13, 8 — *γλῶσσαι* рядом с *προφητεία* и *γνώσις*, в 14, 22—*αἱ γλῶσσαι* противопоставляется *προφητεία*. Наименование дара языков словом *γλῶσσαι* Павел заимствовал из словоупотребления Коринфян, воспользовавшись выражением, непосредственно им понятным. Неоспоримо, что и сам Павел и Коринфяне понимали *γλῶσσαι* в обычном у греков значении, как *terminus technicus*. Отсюда Коринфяне харисму языков видели в том, что кто-либо становился способным говорить во многих или во всех

³ Цитаты из сочинений указанных авторов см. у J. Weiss'a *Der erste Korintherbrief*, S. 336—337.

возможных родах глосс. Чудесность этой харисмы состояла в разнообразии и многосторонности, в возможности *ἑτέροις*, т. е. иностранными, и *χαίναίς*, т. е. неслыханными ранее, *γλώσσαις λαλεῖν* (Деян. 2, 4. Мрк. 16. 17); в том, что кто-нибудь мог говорить новым способом, которым он до сих пор никогда не говорил. А так как эти *γλώσσαι* употреблялись тогда, когда прославлялся Бог (Деян. 2, 11. 10, 46) или когда как бы говорили с Богом (1 Кор. 14, 2. 13 слл.), то это обстоятельство понятию *γλώσσαι* придавало еще особый оттенок: *γλώσσαι* суть образ выражения, которым говорят на небе с Богом, а чудо глоссолалии состоит в том, что глоссолалы мгновенно восхищались на небо и говорили «небесными словами». Эти слова глоссолалов, смотря по обстоятельствам, имели очень различный звук (Klang), поэтому образовалось представление различных родов этой небесной речи... Так. обр., *γλώσσαι* собственно суть «темные чудесные небесные слова», а дар языков—способность говорить при помощи этих слов. Самое явление, довольно ясно описанное Павлом, будто бы возникло на почве эллинистического экстаза и мистики. Новое религиозное движение с его энтузиазмом, с его трансцендентными воззрениями, в особенности мистическое благовестие Павла на греческой почве будто бы вызвало оживление мистического экстаза, который в христианстве принял форму дара языков. Вполне естественно, что этот дар, как явление по существу родственное эллинистическому экстазу, от него получило и свое название. Оракулы часто давали ответы вопрошавшим глоссами. Это экстатическое глаголение глоссами стало теперь в христианстве особым даром...

Однако, против такого представления дара языков нужно сказать, что оно неверно уже в своём исходном пункте: *γλώσσαι*, как *term. techn.*, употреблялся только на языке школы, у грамматиков, а не у новозаветных писателей. Затем, совершенно невероятно, чтобы христианская Церковь в первое время своего существования, когда она наиболее резко отграничивала себя от язычества, признала в даре языков, хотя и осуществляемое Духом Божиим, но все же явление аналогичное древним оракулам, или, по крайней мере, назвала его термином, заимствованным из практики оракулов. Это настолько же невероятно, насколько недоказуемо то, что дар языков и древние оракулы с их экстазом— явления аналогичные по существу. Правда, аналогия между ними как будто есть и доказывается тем, что как Пифия, напр., часто давала ответы вопрошавшим глоссами, так и дар языков в древней Церкви выражался в *γλώσση* или *γλώσσαις λαλεῖν*, но и только. Против этой аналогии говорит прежде всего то, что *γλώσσαι* оракулов и богов всегда— только отдельные слова и выражения,—при чем одни из них, ставшие неупотребительными, действительно, отличались от языка повседневной жизни, другие— были самыми обыкновенными и употребительными, но только в них влагался не тот смысл, какой они имели в обычном словоупотреблении, таким образом не вся речь оракула должна была производить впечатление неизвестного языка. Это была речь на обычном языке, но таинственная, темная и непонятная постольку, поскольку она была испещрена глоссами. Напротив— *γλώσσαις λαλεῖν*, по посланию Ап. Павла, была речь непонятная для собравшихся в Церковь, не в силу отдельных слов и выражений, но речь совершенно непонятная слушателям от начала до конца (1 Кор. 14, 2. 9. 16), поэтому она была речью не к людям, а к Богу, и служила к назиданию не Церкви, а только самого говорящего (14, 2. 4). Если бы, далее, особенность дара языков состояла лишь в том, что речь глоссолала была испещрена глоссами, то этот дар всегда назывался бы *γλώσσαις λαλεῖν*, но никогда *γλώσσα* не стояло бы в числе единственном, между тем последняя конструкция встречается у Апостола нередко: *ὁ λαλῶν γλώσση, γλώσσαν ἔχει* (14, 2. 4. 13. 14. 19. 26. 27). Но решительным образом против этой теории глоссолалии свидетельствует повествование св. Луки о чуде в Пятидесятницу (Деян. 2 гл. срв. 10, 46. 19, 6) и заключение евангелия Марка (16, 17). Поэтому защитники этой теории дара языков отвергают подлинность заключения в евангелии Марка, а рассказ книги Деяний о бывшем в Пятидесятницу считают мифологическим наслоением на первоначальном повествовании в смысле Павлова свидетельства о глоссолалии или, как J. Weiss, утверждают, что автор

Деяний *γλώσσαι* в день Пятидесятницы, которые первоначально, у Павла, имеют смысл «чудесные небесные слова», лишь ошибочно назвал «языками». Повод к такой ошибке был, с одной стороны, в «эластичности слова *γλώσσα*», которое значит и язык, *Sprache*, а с другой стороны, в том, что у самого Ап. Павла есть некоторое колебание в понятии *γλώσσα* (срв. 12, 10. 28. 13, 1).

С. Третьи, наконец, принимают *γλώσσα* в значении «язык»—диалект, однако, они не хотят согласиться с тем, что языки глоссогалов были обычными языками современных им народов, язык у всех глоссогалов был один, но особый. Еще Григорий Богослов (слово 41-е) решал вопрос, от «одного гласа происходили многие» в день Пятидесятницы, или действительно языки глоссогалов были «гласы иноязычные». Очевидно, уже в его время высказывалось мнение, что Апостолы говорили на своем обычном языке, и только присутствующие слышали каждый свой язык. Григорий Богослов нашел, что такое толкование не оправдывается рассказом Деяний. Оно чудо языка превращает в чудо слуха, как будто Дух Св. сошел не на Апостолов, а на слушателей, между тем, по свидетельству Св. Луки, слушатели даже укоряли Апостолов в том, «что они пьяны, из чего видно, что по действию Духа сами говорившие чудодействовали в произнесении гласов». Тем не менее это мнение было принято многими (Василием Селевкийским, *Orat. XXXVII*, *Ernoldi* († ок. 1170), Дионисием Карпузианским, Эразмом, отчасти Бедой), а мысль его о единстве языка глоссогала до сих пор является основной во многих из глоссогалических теорий. Так, по мнению одних, глоссогалы говорили первобытным языком, который существовал до смешения языка строителей Вавилонской башни, или, по крайней мере, каким—то подобным первобытному, в котором были объединены основные начала (*τὰ στοιχεῖα*) всех исторических языков (*Billroth*), который является матерью всех ныне существующих диалектов и включает в себе корни их,—это был язык универсальный, а потому и понятный для всех народов (*Oswald, Kaul, Bisping*). По соображениям других, язык глоссогалов был вообще язык необыкновенный (*nicht bräuchliche*), который специально и нарочито (*sonderlich und eigens*) образовывался и затем подавался говорящему исключительно для выражения в слове того, что его побуждало говорить (*Hofmann*). По словам третьих, это был «язык новый, вполне чудесный, дарованный Духом Святым. Он имел то чудесное свойство, что все слушатели, откуда бы они ни происходили, понимали его непосредственно, именно полагая, что слышат свой собственный подлинный природный язык» (*Wendt*). Дар языков был «харизматическою способностью прославлять Бога на языке нового мира», на языке «искупленных и блаженных»,— это был язык «небесный» (*wie man «im Himmel» redet*), он «производил впечатление универсальности», и потому был родным для всех слушателей (*Cremer*). Таким образом, в день Пятидесятницы было собственно два чуда: чудо языка, поскольку Апостолы получили способность говорить или «первобытным языком» или «новым, чудесным, небесным», и чудо слуха, поскольку присутствующие полагали, что слышат каждый свой природный язык... Но и эту третью гипотезу глоссогалии нельзя принять. Прежде всего, ни в Деяниях, ни у Ап. Павла нет никакого следа двойного чуда. Равным образом это представление дара языков мало соответствует и тем наименованиям, какими пользуются священные писатели для обозначения этого дара (*γλώσσαις* — даже об одном лице,—*καιναῖς, ἑτέραις γλώσσαις λαλεῖν, γένη γλωσσῶν*), как дар, ниспосылаемый *одному* лицу и т. д.) и произвольно предполагает, что языки при строении Вавилонской башни были смешаны так, что первобытные корни остались во всех современных языках.

Так как Деяния до очевидности ясно описывают дар языков, как глаголение на обычных, но иностранных языках, то *Wendt*, чтобы отстоять свое положение о единстве языка глоссогалов, пытается оспаривать справедливость церковно-отеческого понимания повествования Св. Луки даже на почве самого текста книги Деяний. 1. Дееписатель, возражает *Wendt*, не отметил того, что один из вдохновенных (*von den Begeisterten*) говорил на одном языке, другой—на другом и слышал ли каждый из собравшихся около дома, где были глоссогалы, свой природный язык из уст одного или нескольких

глоссогалов, а у других, т. е. у большинства воспринимал непонятное смешение языков, или скорее Дееписатель говорит вообще, т. е., что каждый из пришедших слышал и понимал глаголение всех глоссогалов, как речь на его родном языке. Это последнее представление, хотя и более верное по Wendt'у, сам же Wendt считает несоединимым с другим, что собравшиеся в горнице говорили многими и различными языками чужих стран.—Совершенно верно, конечно, что глоссогалы говорили именно не своим природным языком, а языками иностранными. Но почему же Дееписатель непременно должен был отметить, что один глоссогал прославлял «величия Божия» на одном языке, другой—на другом? Ведь еще ниоткуда не следует, что один глоссогал говорил на одном языке, другой—на другом. Во-вторых, Wendt указывает, что среди прочих названий стран, откуда произошли слушатели глоссогалов, упоминается Иудея (Деян. 2, 9). Следовательно, те «провещававшие», которые говорили на языке Иудеи, т. е., на их обычном природном языке, не получили участия в новом чудесном даре языков, и их речь сошедшимся иудеям не могла показаться странной. Но опять повторим, что рассказ Дееписателя не уполномочивает утверждать, что каждый или несколько глоссогалов говорили лишь на определенном языке. 3. Некоторые, продолжает Wendt, чудесную речь глоссогалов в день Пятидесятницы объяснили опьянением (Д. 2, 13), но речь на иностранном языке только тогда можно счесть за речь пьяного, когда или сами слушатели не знают тех иностранных языков, на которых произносится речь, и потому ошибочно эту речь считают лишь бессмысленными звуками, или тогда, когда допускают, что говорящий вследствие своего опьянения заговорил теперь на иностранном языке, который ему был известен раньше, но которым он обычно не пользовался. Оба эти предположения, рассуждает Wendt, не соответствуют рассказу Деяний, где пришедшие, с одной стороны, правильно понимали слышанное, а с другой,—знали, что говорящим галилеянам иностранные языки ранее не были известны (2, 7). И, кроме того, способность говорить на иностранных языках, которых раньше не знали, никто не сочтет за следствие опьянения. Но Wendt, выдвигая такое возражение, оставил без внимания замечание Св. Луки, что *πάντες*, все очевидцы чуда изумлялись и недоумевали, что это значит? (2, 12) Слышавшие и понимавшие свой язык недоумевали потому, что видели, что «все говорящие галилеяне», следовательно, они их языков не знали, а между тем говорили на них, но часть очевидцев понимала только еврейский язык и «в насмешку» предложила гипотезу опьянения. А так как речь глоссогалов, как «порыв духовного восторга», не была обращена ни к кому определенно, а верующие просто славили «величия Божия», говорили «все» (2, 4) одновременно, б. м., даже жестикулировали, то повод для обвинения их в опьянении был достаточный. 4. О даре языков еще дважды упоминается в Деяниях—10 46. 19, 6. В этих последних случаях, говорит Wendt, речь на иностранных языках не имела бы, судя по обстоятельствам, никакого смысла и цели, да здесь нет и никакого намека на чудо языков. Но смысл такого глаголения— быть знамением для верующих (Мрк. 16, 17) и неверующих (1 Кор. 14, 22), а намек на чудо языков есть: по словам Ап. Петра, Корнилий и другие уверовавшие получили Св. Духа точно так же, как они— Апостолы (Деян. 10, 47), а излияние Св. Духа на Апостолов сопровождалось несомненно чудом языков.—Таким образом, попытка Wendt'a обосновать свою гипотезу глоссогаллии на критике рассказа Деяний—не дает желательных результатов.

Новейшие глоссогаллические теории с их противоречием друг другу и тексту новозаветных писаний не могут быть приняты, как решение вопроса о даре языков. Остается признать: *id verius, quod prius*, и хотя Schulz, а за ним о. Фивейский объявили, что «в настоящее время ни один беспристрастный или знакомый с делом человек не может говорить, будто дар языков заключался в глаголении на иностранных языках», мы все же смеем утверждать, что церковно-отеческое понимание глоссогаллии, именно как дара глаголения на иностранных языках, является единственно правильным, соответствующим не только ясному в этом отношении повествованию Св. Луки, но и посланию Ап. Павла.

Первое послание к Коринфянам написано значительно раньше Деяний Св. Луки⁴. Следовательно, утверждают, первоначальным и подлинным представлением о даре языков нужно считать то, которое слагается на основании послания Ап. Павла. Сказание Луки, будто бы, вносит в изображение глоссолалии новые черты, которых дар языков в действительности не имел. Поэтому рассказ Деяний не только не может служить масштабом для выяснения сущности харисмы, получить которую так стремились Коринфяне (I. Weiss), но эти новые черты указывают, что «дарование языков, благодаря которому апостольскую проповедь (?) в день сошествия Св. Духа могли понять люди разных национальностей, не имеет ничего общего с глоссолалией, описанной в первом послании Ап. Павла к Коринфянам» (Л. Дюшен. История древней Церкви. Т. I. Москва 1912. Стр. 32. Срв. Felten).— Действительно, верно то, что послание к Коринфянам— «классическое место» о глоссолалии. Принимаем, что оно— первая и верная редакция свидетельства о даре языков. Но верно также и то, что и Ап. Павел и Св. Лука говорят об одном и том же по существу явлению в древней Церкви.

То явление, которым сопровождалось восприятие Св. Духа учениками Иоанновыми, крещенными в Ефесе Ап. Павлом (Деян. 19, 1—6), Деяний обозначил выражением «ἐλάλουν γλώσσαις». «Ἐλάλουν γλώσσαις» и Корнилий со «многими собравшимися» в доме его, т. е. с ними было то же, что и с учениками Иоанновыми в Ефесе. «Верующие из обрезанных» увидели в этом глаголении дар Св. Духа, а Ап. Петр заметил, что эти говорящие языками, «как и мы, получили Св. Духа» (10, 45—47), несомненно подразумевая бывшее в Пятидесятницу (гл. 2). Таким образом, Св. Лука отождествляет, «λαλεῖν ἑτέροις γλώσσις» (2, 4) и λαλεῖν γλώσσαις (10, 46. 19, 6). Последним выражением часто называет дар языков и Ап. Павел. Из сопоставления названий дара языков у Ап. Павла и Св. Луки как будто ясно, что и Деяния и 1-е послание к Коринфянам описывают одно и то же по существу явление,— причем некоторая разница в выражениях Ап. Павла и Св. Луки очень просто объясняется тем, что они писали не в одно время и с разной целью. Ап. Павел писал Коринфянам о хорошо известном им явлении с целью назидания, и ему не нужно было заботиться об особенной точности выражений. Историк Лука, когда он в первый раз говорил в своей книге о необыкновенном явлении, должен был быть по возможности точен и он безукоризненно точен, так что рассказ его не поддается перетолкованиям, если они не связаны с искажением текста его повествования. Когда затем он упоминал о чрезвычайном даре языков уже не в первый раз (Деян. 10, 46. 19, 6), так точным ему уже не нужно было быть, и он ограничивается кратким замечанием— «ἐλάλουν γλώσσαις»: читатели знали, о чем он пишет. Так как и λαλεῖν καιναῖς γλώσσαις Марка (16, 17) не вносит никакой новой мысли сравнительно с λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις: говорить новыми языками = говорить иными языками, а не природным, то можно думать, что Ап. Павел с γλώσσαις λαλεῖν соединял ту же мысль, какую Св. Лука—с λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις, а евангелист Марк с λαλεῖν καιναῖς γλώσσαις. Однако, этот вывод из сопоставления выражений Св. Ап. Павла, Луки и Марка не имеет обязательной силы, так как Павел о даре языков говорит и γένη γλωσσῶν, γλώσση λαλεῖν, γλώσσαν ἔχει, и просто γλώσσα. Поэтому необходимо обратиться к деталям учения Ап.

⁴ Первое послание к Коринфянам, по Th Zahn'у, написано в конце трехлетнего пребывания Ап. Павла в Ефесе, во время иудейской Пасхи 57 года (Einleitung in das Neue Testament. Erster Band. Leipzig. 1906. S. 185. 191—192, cf. 228). По Глубоковскому, «хронологическою датой для этого памятника будет самый конец 57-го или самое начало 58-го нашего январского года. «Литографированные лекции. Стр. 148». Деяния Апостолов появились несомненно после 62-го года. Рассказ Деяний оканчиваются упоминанием, что в римских узах Ап. Павел пробыл два года (28. 30). Конец этих двух лет падает на весну 62-го года, так как в римское заключение Павел прибыл весною 60-го года (Дата Рэмсея. Заимствует её у Н. Глубоковского. Хронология Нового Завета. Тр. Киев. Дух. Академии. Т. II за 1911 г. Стр. 375). По Zahn'у, Деяния Апостолов написаны около 75 года. Einleitung in das N. T. B. II. Leipzig. 1907. S. 439—441.

Павла о харисме языков, чтобы на твердом фундаменте обосновать тождество между даром языков у Луки и глоссолалией у Ап. Павла.

Ап. Павел, упомянув в 12-й гл. своего 1-го послания к Коринфянам, что «дары различны, но Дух, (дающий их), один и тот же» (ст. 4) и что всякое «проявление Духа дается на пользу» (ст. 7), следовательно и сообщаемые «иному разные языки (*γένη γλωσσῶν*)» (ст. 10, срв. 28), в 14-ой гл. уделяет особенное внимание дару языков, сравнивая его с даром пророчества, чтобы показать Коринфянам, что они совершенно неосновательно предпочитают первый последнему. Чтобы сделать для Коринфян неосновательность такого предпочтения очевидной, Апостол всесторонне доказывает мысль о бесполезности дара языков для назидания и созидания Церкви, если этот дар не соединяется с даром истолкования. Эта мысль—основная мысль всей 14-ой главы, и ее необходимо иметь в виду, чтобы правильно понять рассуждения Апостола.

Уже самое название *χάρισμα*, дарование, показывает, что дар языков—явление «закона естеств кроме», что он не естественного происхождения, не вытекает из естественных сил и способностей человека, а есть нечто высшее, необычайное, чудесное. Действительно, и у Ап. Павла и у Св. Луки этот дар—следствие прямого воздействия Св. Духа на человеческую душу: Дух «действует», все дарования «разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1 Кор. 12, 11), и галилеяне в день Пятидесятницы «начали говорить на иных языках, как Дух давал им проповедать» (Деян. 2, 4). Если источник описываемого Св. Лукою и Ап. Павлом явления в Духе Св., то принципиально, конечно, нельзя оспаривать того, что чудесный дар имел и чрезвычайную форму выражения, т. е. был глаголением на иностранных, до тех пор неизвестных глоссолалам, языках. Правда, Ап. Павел *прямо* не говорит о такой форме выражения дара языков, но ведь ему не нужно было описывать, как проявлялся этот дар в Церкви. Это Коринфяне прекрасно знали. Апостол касается формы выражения дара языков лишь постольку, поскольку это способствовало уяснению его основной мысли о бесполезности глоссолалии для назидания Церкви, «если же не будет истолкователя» (1 Кор. 14, 28). Однако, аргументация Апостола, его аналогии и терминология в этом случае, как нельзя лучше, укладываются в рамки того представления о даре языков, по которому он выражался в глаголении на иностранных языках.

Апостол бесполезность дара языков для назидания Церкви мотивирует тем, что говорящего в церковном собрании языком (*γλώσση*) никто не слышит: «οὐδεὶς γὰρ ἀκούει» (1 Кор. 14, 2). Не слышит, конечно, не «вследствие недостаточной отчетливости, раздельности» (так о Фивейский) речи глоссолала, не потому, что глоссолал говорит тихо или «*blasa voce*»,—тогда Апостол не мог бы сравнить его с медью звенящей или с кимвалом звучащим (13, 1),—никто не слышит, т. е. «не понимает», как и передал русский переводчик, и передал совершенно верно: а) *ἀκούω* в смысле «понимать» встречается и у классиков⁵, и у LXX (Быт. 11, 7. 42, 23. 4. Цар. 18, 26), и в Новом Завете (Мф. 13, 13. Мрк. 4, 33, срв. Мф. 11, 15; 13, 9. Мр. 8, 18 и др.), а кроме того в) слышать и не понимать все равно, что не слышать. Именно, как непонятную, характеризует далее Апостол речь глоссолала в своей первой аналогии, которую он приводит в подтверждение своей мысли о бесполезности дара языков для назидания Церкви вне связи его с даром истолкования. Игра на свирели или гусях, пишет Апостол, только тогда может захватить человека, вызвать в нем настроение радости или грусти, когда в ней есть *διαστολή τοῖς φθόγγοις*—«разделение звукам», когда каждый звук имеет свою высоту и силу, когда между отдельными звуками есть определенные интервалы, т. е. когда эта игра бывает определенной мелодией радости или печали. Если же этого *διαστολή τοῖς φθόγγοις* не будет, то как узнает слушатель, что он слышит. Игра будет для него ничего не выражающим звуком. И воин не станет готовиться к битве, если он услышит какой-то неопределенный (*ἄδηλον*) звук трубы, а не сигнал, зовущий на брань (14, 8, срв. Исх. 19,

⁵ У Лукиана, Плутарха (Schleusner, 1, p. 105), у Эсхила (Zorell, p. 24).

16 и 19. Лев. 25, 9). Так и глоссолат, если его речь не «*εὐσημος λόγος*» для слушателей, то он говорит на ветер (1 Кор. 14, 9). Его речь—пустой звук, бесполезна для Церкви. *Εὐσημος λόγος*⁶—это речь ясная, bene significans, выразительная и вразумительная для слушателей, смысл которой легко может быть понят всяким, речь понятная, следовательно, и назидательная. Таким образом, то, что говорит глоссолат, само по себе было *λόγος*, нечто с определенной мыслью, с определенным содержанием, но для слушателей это нечто не было *εὐσημος λόγος*, т. е. было непонятной речью. Слушатель на благодарение глоссолала не мог отозваться своим «аминь», так как он не знал (*οὐκ οἶδεν*) что тот говорил (*τί λέγεις*,—14, 16). «Не знающий или неверующий», войдя в церковное собрание, легко мог принять глоссолатов за сумасшедших (*οὐκ ἐροῦσιν ὅτι μαίνεσθε*⁷ .—14, 23),—настолько их речь казалась слушателям непонятной и бессмысленной. Поэтому Апостол и пишет, что «говорящий языком» назидает только себя (14, 4) и, следовательно, не приносит пользы Церкви (14, 6. 14. 17. 19.); поэтому он утверждает, что пророчествующий «более» (*μεῖζων*), имеет большее значение в церковной жизни, чем «говорящий языками» (14, 5); поэтому «говорящих языками» он призывает, с одной стороны, молиться о даре истолкования (14, 13), чтобы свой дар языков сделать полезным для всей Церкви (14, 3. 6. срв. 27); а с другой,—молчать в церковном собрании, если нет на лицо истолкователя (14, 28); поэтому, наконец, в перечислении дарований, дар языков он ставит рядом с даром истолкования и как бы связывает их воедино (12, 10, срв. 30).

Однако, непонятность речи, невозможность уловить в ней смысл говорит лишь о том, что она была речью не на обычном языке слушателей, и только, —но еще не обязывает признать ее речью на иностранном языке, хотя и не противоречит такому признанию. Правда, по рассказу Св. Луки, речь на иностранных языках в день Пятидесятницы вовсе не была непонятной для слушателей. Наоборот, когда галлеяне начали «*λαλεῖν ἑτέροις γλώσσαις*» (Деян. 2, 4), то собравшиеся из разных стран Римской империи иудеи и прозелиты сразу услышали (*ἤκουον*), что глоссолаты говорят их языками (*τῇ ἰδίᾳ διάλεκτῳ*,—ст. 6. 8), и поняли, что этими языками они прославляют «величия Божия» (*λαλοῦντων αὐτῶν ταῖς ἡμετέροις γλώσσαις τὰ μεγαλεῖα τοῦ Θεοῦ*, ст. 11). Следовательно, из рассказа Луки, по-видимому, очевидно, что речь коринфских глоссолатов, как совершенно непонятная для слушателей не была глаголением на иностранных языках; но это только по-видимому. И в день Пятидесятницы, во-первых, нашлись «иные», которые «насмехаясь говорили» о глаголавших галилеянах: «они напились сладкого вина» (ст. 13), на некоторых очевидцев чуда Пятидесятницы произвело впечатление, подобное тому, какое Ап. Павел предполагает в «незнающих или неверующих» слушателях коринфских глоссолатов (1 Кор. 14, 23),—впечатление речи для них необычной, непонятной и бессмысленной, которую можно услышать лишь от пьяного или сумасшедшего. Во-вторых, Апостол, если глаголение коринфских глоссолатов действительно было глаголением на языках разных народов, совершенно верно характеризует его, как совершенно непонятное слушателям без помощи дара истолкования: в день Пятидесятницы очевидцами чуда были люди со всех концов Римской империи, люди разных национальностей; вполне естественно, что они, когда услышали галилеян, глаголющих их языками, поняли, что те славословят «величия Божия»; но ведь Ап. Павел пишет послание Коринфянам, следовательно, только их предполагает, как членов коринфской церкви, имеет в виду выяснить сравнительное значение говорящих языками и пророчествующих в обычных молитвенных собраниях, участниками которых были те же Коринфяне, едва ли знавшие какой-либо другой язык,

⁶ *Λόγος*—слово, изречение, или «разумное выражение, *νοῦς* 'а» (vernünftige Aeußerung des *νοῦς*), высказанное (*προφορικῶς, φώνη τῶν λόγων* Дан. 7, 11) или невысказанное (*ἐνδιάθετος*)—безразлично, но так как оно коррелирует разума, то *λόγος* —слово всегда с элементом разумности, речь, и может быть употреблено только о человеке, ангелах или Боге.

⁷ Русский перевод, «беснуетесь» не точен. Понятие беснования в новозаветном языке соединяется с *δαμονίζεσθαι* и *δαμόνιον ἔχειν* с значением, именно, *καταδυναστεύεσθαι ὑπὸ τοῦ διαβόλου* (Деян. 10, 38, срв. Иоан. 10, 20).

кроме своего греческого,— а так как коринфские глоссолаты говорили не на природном своем греческом языке, то ясно, что Коринфяне не понимали и не могли понимать их без «истолкователя».

Но у Ап. Павла есть и ясные следы того, что глоссолатия в Коринфе выражалась в глаголатии на иностранных языках. Св. Павел, для уяснения все той же основной своей мысли о бесполезности для Церкви дара языков без дара истолкования, приводит еще такую аналогию. Сколько, например (*εἰ τύχοι*⁸), говорит он, родов языков (*γένη φωνῶν*⁹), сколько разных языков в мире (*ἐν κόσμῳ*) и нет ни одного из них немого (*καὶ οὐδὲν ἄφωνον*,—14, 10), ничего не выражающего, так что владеющие им не могли бы при его помощи передавать своих мыслей другим. Всякий язык передает мысли говорящего. Нужно только знать этот язык, чтобы понять выражаемые на нем мысли. Поэтому, если я не знаю значения языка (*τὴν δύναμιν τῆς φωνῆς*), если я не понимаю, продолжает Апостол, языка, на котором говорят в данную минуту, то я буду *βάρβαρος*, буду чужестранцем для говорящего, а говорящий будет чужестранцем по отношению ко мне (*ἐν ἐμοὶ βάρβαρος*,—14, 11), т. е., ясно, что мы не пойдем друг друга и нам совершенно бесполезно продолжать беседу. *Βάρβαρος* у греков и у LXX вообще всякий, кто говорит на иностранном, чужеземном языке, так что говорящего не понимают слушатели, а говорящий—слушателей¹⁰. Вывод Апостола: так как вы, обращаетесь он к Коринфянам, ищите духовных дарований, стараетесь получить их, то стремитесь обогатиться ими, но к назиданию Церкви (14, 12). Смысл аналогии ясен: вы из опыта повседневной жизни прекрасно знаете, убеждает Апостол Коринфян, что бесполезно слушать чужестранца, если не знаешь его языка,—(а этот опыт Коринфяне могли иметь постоянно: во время апостольской проповеди, Коринф вместе с Александрией и Фессалоникой овладел почти всей торговлей тогдашней Римской империи и сюда стекались купцы всех национальностей из всех концов этой обширной империи). Конечно, чужестранец на своем языке передает определенные мысли; его язык сам по себе, вне отношения к слушателям, полезен: он оправдывает свое назначение,—быть выразителем мысли. И глоссолат своим языком тоже выражает какую-нибудь мысль. Его дар сам по себе тоже полезен. Но какая польза от того, что он говорил, для других, когда он по отношению к этим другим— *βάρβαρος*, когда они его не понимают? Если вы из опыта обычной жизни знаете, что бесполезно слушать чужестранца, когда не знаешь его языка, то зачем же вы так стремитесь получить дар языков, пренебрегая другим даром, зачем стремитесь пользоваться им в церковном собрании? А если вы уж так заботитесь о духовных дарованиях, постарайтесь обогатиться ими к назиданию Церкви. Поэтому говорящий языком пусть молится о даре истолкования (14, 13). Смысл аналогии показывает, что Апостол воспользовался этой аналогией вовсе не для уяснения понятия о даре языков или того, как он выражался в Церкви. Это было известно. Апостол воспользовался ею как ярким доказательством бесполезности дара языков для назидания верующих, когда последние не понимают глаголатия глоссолата. А этой цели она достигает вполне, и она должна быть особенно убедительной для Коринфян, если и самый дар языков выражался в

⁸ *Εἰ τύχοι* соединено с *τοσαῦτα*. По Hofmann'у, *εἰ τύχοι* при определенном числе указывает на то, что это число взято наобум, а при неопределенном—на то, что не хотят заниматься тем, чтобы его определить (срв. Lucian. Icarom. 6). У Cornely *εἰ τύχοι*=*exempli gratia*.

⁹ Большинство экзегетов считает *γένη φωνῶν* = *γένη φλωσσῶν*, хотя и различно объясняют, почему Апостол одно выражение заменил другим.

¹⁰ Herodotus 2,158: «египтяне называют варварами всех, говорящих на неодинаковом с ними языке». Ovidius tristium 5, 10. 37: «я здесь варвар, потому что никому непонятен (*quia non intelligor ulli*)». Пс. 113, 1. Срв. Иринея Contr haer. III, 4, 2: «Многие племена варваров..., принявшие веру во Христа без письмени, суть *варвары относительно нашего языка*, но в отношении учения, нрава и образа жизни они по вере своей весьма мудры и угождают Богу, живя во всякой правде, чистоте и мудрости». Migne. P. G. T. 7, col. 855.

глаголании на иностранных языках. Если Коринфянам было ясно, что совершенно бесполезно слушать хотя бы перса, когда не знаешь персидского языка, потому что из этого слушания ничего не вынесешь кроме того, что слышишь иностранца, то указание на этот опыт жизни должно было, как 2 умноженное на 2=4, доказать им, что ведь то же самое получается, когда пользуются даром языков в Церкви без дара истолкования. Это не назидает верующих (14, 6. 19), а между тем всякое «явление Духа» дается «на пользу» всей Церкви (12, 7 слл.).: Эта аналогия, особенно термин *βάρβαρος*, который характеризует глоссолала по отношению к слушателям, как говорящего на иностранном, чужеземном языке, нам кажется, уже—достаточно веское основание, чтобы отождествить глоссолалию в Пятидесятницу и дар языков в Коринфе по их внешнему выражению.

Наконец, в послании к Коринфянам есть еще одно выражение, вполне подтверждающее справедливость указанного отождествления. Когда Св. Павел говорит о значении дара языков в жизни Церкви, он приводит слова Исаии (28, 11—12): «чрез иноязычных (*ἐν ἑτερογλώσσοις*)¹¹ и иными устами буду говорить народу сему но и тогда не послушают Меня, говорит Господь» (14, 21). Мы еще остановимся подробно на этом пророчестве. Пока для нас важно одно слово: *ἐν ἑτερογλώσσοις* — «чрез иноязычных». т. е. чрез людей, говорящих иными или другими языками, не обычным природным языком. В древнеславянском переводе— «чрез иноязычник». У LXX стоит не *ἐν ἑτερογλώσσοις*, а *διὰ γλώσσης ἑτέρας*. Следовательно, перифраз *ἐν ἑτερογλώσσοις* соответствовал подлинному представлению Павла и Коринфян о том, в чем обнаруживался дар языков. Если глоссолалы в Коринфе были *ἑτερογλωσσοί* по отношению к слушателям, то это уже обязывает признать то, что и они, как галилеяне в день Пятидесятницы, *ἐλάλουν ἑτέρας γλώσσις*, глаголали, как и те, на иностранных языках. Итак, и Св. Лука и Ап. Павел утверждают одно и то же, что дар языков выражался в глаголании на иностранных языках. Почему же теперь Ап. Павел дар языков называет то *γένη γλωσσῶν*, то *λαλεῖν γλώσσαις*, то *λαλεῖν γλώσση*? Несомненно не потому, что «существовали роды или виды «языков», что в обнаружении дара глоссолалии было большое разнообразие и, между прочим, иногда верующий начинал выражаться на иноземном, незнакомом ему языке или даже на нескольких языках, но глоссолалия оставалась глоссолалией даже и в том случае, если верующий говорил на одном языке, *γλώσση*, и даже на своем природном» (Е. Мищенко). Если бы хоть иногда дар языков выражался на природном языке, то почему же обязателен для понимания глоссолалической речи дар истолкования? Где бы был критерий, чтобы отличить дар языков от псалма, откровения или пророчества? Нет, выражался этот дар всегда в глаголании на иностранных языках, отсюда и его название. *Γένη γλωσσῶν* это то же самое, что и *λαλεῖν γλώσσαις*. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить и Кор. 12. 10. 28 и 12. 30. *Γένη γλωσσῶν*=роды языков или «разные языки» (срв. «*παντοδαπαῖς γλώσσαις*» у Иринея), как в русском переводе. Когда Апостол говорит о даре языков только как о даре, который есть в Церкви, т. ск., о даре языков *an Sich*, он выражается *γένη γλωσσῶν* (1 Кор. 12. 10. 28), *λαλεῖν γλώσσαις* (12, 30. 14, 5), *γλώσσαι* (13. 8. 14, 22), даже при единстве лица говорящего (12, 10. 13, 1. 14, 5. 18), и хочет этим сказать, что всякий глоссолали мог «всеми языки языков» глаголать. А когда он пишет о даре языков уже *in concreto*, касается обнаружения этого дара в каждый определенный момент, то об одном лице говорит *λαλεῖν γλώσση* (14, 1. 4. 9. 13. 14. 19. 26. 27; в 14, 6. Апостол не понимает одного определенного момента) и только о многих—*λαλεῖν γλώσσαις* (14, 23. 39), так как в каждый определенный момент речь одного глоссолала несомненно была речью только на одном языке.

Дар языков без истолкования был непонятным для слушателей глаголанием на иностранных языках. Имел ли он в таком случае какое-нибудь значение в церковной жизни? Отцы Церкви (Златоуст, Феодорит, блаж. Феофилакт и мн. др.) и песнопения Св.

¹¹ А не «иными языками», как в русском и славянском переводах.

Пентикостии¹² утверждают, что дар языков был ниспослан Церкви, как орудие проповеди о Христе и таким образом был постоянным умением говорить на иностранных языках, умением, приобретенным чудесным образом. Однако, эта мысль, и теперь еще широко распространенная, глубоко ошибочна: ни в Деяниях, ни в Им послании к Коринфянам, ни в заключении евангелия Марка, нигде не говорится о глоссолалии, как даре для христианской проповеди, а между тем эта мысль мешает правильному решению вопроса о том, что такое дар языков в древней Церкви.

Сами глоссоалалы понимали ли то, что они говорили языками? По мнению Кирилла Александрийского и Феодорита, глоссоалалы сами понимали свои слова. В средние века Николай Лира (N. Lyranus), а за ним Дионисий Картузианский думали, что говорящий языками значение слов, которые произносил, понимал, но не понимал смысла речи. Почти то же высказывает блаж. Августин (de Fen. ad lit. XII, 8 sq.), если замечает, что фараон, когда рассказывал свои сны о колосьях и коровах Иосифу, «говорил языками», а Иосиф, когда изъяснял эти сны, «пророчествовал». В противоположность этому Златоуст утверждает: «ум глоссоалалов не знал того, что говорится» (*ὁ νοῦς δὲ οὐκ ᾔδει τὸ λαλούμενον καὶ ὁ νοῦς μὴ ἀγνοῖ τὰ λεγόμενα*, —срв. Дамаскин, Exposit. in ep. ad Corinth., с. XIV, v. 14. 15; Экумений, Comment. in ep I ad. Corinth., XII, 14; блаж. Феофилакт), и для Амвросиаста «ясно, что душа наша (mens autem qui est animus) не ведает (того, что говорит), если говорит языком, которого она не знает, как обычно поют по-гречески латиняне, наслаждаясь звуком слов, однако, не зная, что говорят» (Comment. in ep. ad Corinthios I, с. XIV, v. 14. Migne P. I. t. 17, col. 255. Срв. Пелагий, Sedulius Scotus, Фома Аквинат). Теперь обычно утверждают, что и слушатели не понимали глоссоалала, и он не понимал сам себя. Между тем, едва ли это справедливо.

Как представлять себе состояние глоссоалала? По свидетельству Ап. Павла и Св. Луки, дар языков был «явлением» Духа Святого в глаголавшем языками; глаголение глоссоалала было чрезвычайной формой проявления, обнаружения особенного присутствия Св. Духа в говорившем. Следовательно, глаголавший языки в моменты глаголения жил не просто человеческой жизнью, но человеческой жизнью в присутствии Св. Духа, жизнью одухотворенной, вдохновением. В этом состоянии человек мог только своим духом (*πνεύματι*) глаголать тайны (1 Кор. 14, 2), только дух его (*πνεύμά μου*) мог молиться (14, 14), а ум (*ὁ νοῦς*) в этом глаголении, в этой молитве не участвовал (14, 19. 15). Очевидно, что в силу наития Св. Духа собственная душевная жизнь человека становилась пассивной, как бы замирала. Человек уже не сам силою своей мысли создавал содержание своей психической жизни. Ум— «этот домостроитель чувств и помыслов» (Исаак Сириянин. Слова подвижнические. Сергиев Посад. 1911. Слово 16-е. Стр. 64)—бездействовал. В то же время *πνεῦμα*, дух человека возвышался до возможности воспринимать и переживать то, что «действовал» в человеке Дух Святой. Вместе с тем человек получал чудесную способность выражать эти переживания на иностранных языках, которых доселе не знал. Причем самый характер речи глоссоалала вполне соответствовал внутреннему состоянию. Речь его была настолько восторженной, возбужденной, что постороннему лицу говорящий мог показаться пьяным или сумасшедшим. Но несомненно, что глоссоалал интуитивно сознавал то, что переживает, и понимал, но не умом, что говорит. Он скорее созерцал то, что говорит. Он именно во время самого произнесения своей речи назидал себя ею (14, 4).

¹² «Языками ишородных обновил еси, Христе, Твоя ученики, да теми Тя проповедят бессмертного Слова и Бога» (Стихира на малой и великой вечерни). «Твоим учеником исполняя обещание Духа, Христе, сим послал еси, действие великих чудес дарующа, и языки огнезрочная дарствующа, да Твоего познания язык стада исполняют» (Канон на повечерии). «В виде убо языков сниде Дух Святой..., яко апостоли научити и приводити языки, языком ишеях у» (Синаксарий в понедельник по Пятидесятнице).

Если бы он не понимал её, то как бы он назидал себя? Что бы это была за молитва (14. 14), что за благословение и благодарение (14, 16. 17), если бы человек не знал, что его язык произносит, иными словами, если бы он был лишь механическим орудием глаголения Св. Духа? Молитва—общение человека с Богом, сознательное обращение его к Богу. Если нет сознания, то нет и молитвы. Это была бы молитва Св. Духа, но не человека, а между тем под *πνεῦμά μου* Апостол несомненно понимает дух человеческий и противопоставляет ему именно *νοῦς μου* (14. 14). И верующий в состоянии глоссолалии действительно не был только простым орудием речей Св. Духа. Если бы было не так, то глоссолат *volens—polens* должен был бы говорить, когда изливался на него дар языков. Однако, он мог говорить и не говорить, мог управлять своей вдохновенной речью, иначе Апостол не дал бы глоссолалам наставления говорить в церкви только «двое, или много трое», и то порознь (14, 27), а когда не будет истолкователя, так и совсем молчать, а говорить только себе и Богу (14, 28). Из этого последнего замечания ясно, что «себе и Богу» глоссолат говорил всегда с пользой, получая такое назидание, какое другие имели только при помощи дара истолкования. А если он лично получал без помощи дара истолкования тоже самое назидание, какое вся Церковь при помощи последнего дара, то очевидно, сам он понимал, что говорил,—понимал не умом, но духом.

Но в таком случае особый дар истолкования, чтобы сделать речь глоссолала понятной для слушателей, был не нужен? Глоссолат понимал свою речь, следовательно, по-видимому, сам мог и передать ее слушателям. В том-то и дело, что не мог. «Апостол, замечает преосв. Феофан словами Златоуста, беседует о тех, которые знали, что говорили,—знали сами, но другим передать не могли». Почему не могли? Ясно почему. *Λαλεῖν γλώσσαις* можно было только в состоянии вдохновения, одухотворенности. Переживания этого состояния одухотворенности глоссолат мог выразить только когда Дух давал провещавать, а силою Св. Духа он мог «провещавать» только на иностранных языках. Когда же теперь он мог на понятном языке передать свою речь слушателям? Во время глоссолалического вдохновения, очевидно, не мог: тогда он говорил только на иностранных языках. По окончании глаголения языки? Но прекращалось глаголение, прекращалось и состояние одухотворенности, то состояние, о котором человек не может сказать, «в теле ли» оно, «или вне тела», а вместе с тем прекращались и те переживания, которые были связаны с этим состоянием и источником которых был Дух Святой. Глоссолат становился обычным верующим, с обычной естественной психической жизнью. Теперь он говорил обычным, своим природным языком. Но что он мог бы передать этим языком из своей речи? Он мог бы только указывать на факт своего вдохновения и восторженной речи, и только—но не мог бы пересказать содержание этой речи, как Ап. Павел сказал о себе: «был восхищен в рай и слышал неизреченные слова», но пересказать их не могу (2 Кор. 12, 4). Не мог передать самую вдохновенную речь, потому что источник и содержание её в Духе Святом, а воздействие Св. Духа на душу верующего прекратилось. Даже по памяти глоссолат не мог передать своей речи, так как не мог её запомнить, ибо *νοῦς* его бездействовал в состоянии глоссолалии. Только новый дар, дар истолкования, т. е. то же наитие Св. Духа могло помочь глоссолату передать свою речь другим. Конечно, если во время глаголения глоссолала в Церкви были знающие тот язык, на котором в данную минуту говорил глоссолат, дар истолкования был не нужен (пример Пятидесятницы,—Деян. 2, 11). Но когда таких знающих не было, дар истолкования был необходим. А так как этот дар далеко не всегда был в распоряжении глоссолала (I Кор. 14, 13, срв. 5) и, вероятно, чаще ниспосылался не тому же лицу, которое обладало даром языков (12, 10, 13), и так как поэтому речь глоссолала далеко не всегда могла быть передана присутствующим, то, следовательно, дар языков не мог служить делу проповеди о Христе.

Самое содержание глоссолалических речей подтверждает это положение. Они были молитвой (*προσευχή*,—срв. 14, 14. 15), псалмом (*ψαλμός*,—срв. 14, 15), благословением—благодарением (*ἐυλογία—εὐχαριστία*,—срв. 14, 16.17) или глаголением

«величий Божиих» (Деян. 2, 11). Ясно, что и по содержанию своему они не были проповедью евангельской истины, а были прежде всего обращением к Богу (срв. I Кор. 14, 2. 28).

Помимо этого дар языков, чтобы служить орудием проповеди, должен был бы сообщать *постоянное* знание иностранных языков, способность λέγειν, φάναι ἀγορεύειν, ἐρεῖν на этих языках, т. е. способность высказывать, развивать на этих языках *свои мысли* в логическом порядке (λέγω), и даже в твердо определенной внешней форме (φημί, εἶπον, ἐρεῖν), во всякое время, какое глоссолат нашел бы удобным для проповеди. Однако, такой способности дар языков не сообщал. Глоссолат мог только λαλεῖν, ἀποφθέγγεσθαι теми языками, которые он получил от Св. Духа. В древности глаголом λαλέω обозначалась речь болтунов, детей, или такой разговор, который велся почти без всякой заботы о том, что говорится, т. е. имел значение—болтать, пустословить. У Аристотеля λαλέω выражает только физиологический акт говорения; в несобственном смысле λαλοῦσσι играющие на духовых музыкальных инструментах, птицы, обезьяны, эхо. На языке κοινή λαλέω имеет уже значение латинского loquor, т. е. говорить. С этим значением λαλέω встречается более 800 раз у LXX и часто в Н. Завете¹³ и от λεγέιν отличается тем, что значит—говорить сообразно времени, месту, обстоятельствам Sich ergebend aus Zeit, Ort, Umstanden), т. е. не при обычной обстановке, а при известных условиях, в данном случае при условии вдохновения, воздействия Св. Духа на дух глоссолала. Последнее подтверждается тем, что у Луки λεγέιν синоним ἀποφθέγγεσθαι (Деян. 2, 4), а ἀποφθέγγεσθαι (от φθέγγομαι) ближайшим образом указывает на тон речи— с одной стороны, как на её forte или piano (als Klang), а с другой,—поскольку в этом тоне выражается аффективность речи (als Träger des Affekts). Отсюда ясно, что глоссолаты говорили в состоянии духовного аффекта, в состоянии экстаза, и это состояние отражалось в самом тоне речи. Следовательно, иностранными языками они могли пользоваться только в состоянии экстаза, значит, *не постоянно*. Опять, следовательно, дар языков не мог служить делу проповеди.

Наконец, сам Ап. Павел, рассматривая дар языков в деле христианской миссии только как, «знамение» для неверующих, показывает, что этот дар не был орудием проповеди. Что значит, что дар языков был «знамением» для неверующих? Проф. Муретов этот вопрос решает так. «Языкоговорение», пишет он: «Апостол несомненно ставит ниже пророчества, «более совершенного дара», находя в первом знамение *только для неверов* и неверия, а во втором для веры и верующих... Для неверов и укрощения неверия языкоговорение является таинственно-ужасным средством, заставляющим невольно остерегаться глумления и насилия над истиною и святостию»... Апостол впечатление от языкоговорения в «незнающих или неверующих» (ἰδιῶται ἢ ἄπιστοι) выразил вопросом: «οὐκ ἐροῦσιν ὅτι μαίνεσθε=не скажут ли, что вы безумствуете»? (I Кор. 14, 23). Но вопреки «всем древним переводам», вопреки словоупотреблению LXX и Нового Завета, где μαίνομαι и μαῖνία обозначают «именно безумство, умоисступление, сумасшествие (Прем. 5, 4. 14, 23. 28. 2 Макк. 4, 4. 4 Макк. 7, 5. 8, 4. 10, 13. Псал. 39, 5. Иер. 32 (25), 16. 36 (29), 26. Ос. 9, 7. 8. Деян. 12, 15,—26, 11. 24. 25), а также вопреки значению этого глагола, в обычном языке эпохи κοινή» проф. Муретов путем тщательных филологических изысканий доказывает, что μαίνεσθε имеет еще религиозный, поэтический смысл, и, поскольку у Апостола речь идет о религиозных собраниях христиан, μαίνομαι в данном случае—специально-религиозный terminus technicus, так что μαίνεσθε «надо переводить вдохновляйтесь (Богом), богодухновенны, боговдохновляйтесь». Смысл дара языков, как знамения для неверующих такой: «краткие, но таинственные изречения двух—трех глоссолатов, произнесенные восторженными звуками с вдохновенными взорами и жестами, и понятно разъясненные толкователями,

¹³ Срв. Н. Глубоковский. «Библейский греческий язык Ветхого и Нового Завета» в Трудах Киевской Духовной Академии за 1912 г., Июнь, стр. 208—209: «λαλεῖν ассимилировалось с λέγειν и εἶπεῖν».

захватывали и присутствовавших язычников, именно тех из них, которых Апостол называет *ἰδιῶται*, сообщая и им восторг глоссолала и его толкователя. Под влиянием этого, даже невольного, восторга язычник должен был видеть в языкоговорении христиан знамение их богодухновенности или той «божественной мании», что сообщается, по языческим воззрениям, от богов, «ниспосылающих в ней людям своим «духов» и свои «светы». При дальнейшем знакомстве с христианством это знамение для язычника могло перейти в первую ступень его веры и бросить в его сердце первый луч Христова света»... Для упорных «неверов—язычников» (*ἄπιστοι*), предубежденных, враждебно настроенных к христианству, значение дара языков сводилось к тому, что и они должны были признать в христианах присутствие божественной мании, которую они находили у почитаемых оракулов. Сознание присутствия какой-то таинственной божественной силы, быть может, какого-либо еще «неведомого бога», вызывало у суеверного язычника, «невера» невольный страх пред христианами и уважение к ним, вместо прежнего глумления, на основании заочных слухов о них»... Для верующих же дар языков значения не имел: для них «не требовалось внешнего знамения присутствия среди них божества, ибо они носили Бога и Христа внутри себя в своих умах, в чувствах и волях»... Однако, рассуждения авторитетного ученого требуют некоторых существенных *conrigenda*. У Ап. Павла мы читаем: «в законе (срв. Иоанн. 10,34. 12, 34. 15, 25,—Рим. 3, 19) написано, что чрез иноязычных (*ἐν ἑτερογλώσσοις*) и чрез уста других (*καὶ ἐν χεῖλεσιν ἑτέρων*), буду говорить народу сему, и ни так, и тогда (*καὶ οὐδ' οὕτως*), и все же (срв. Мрк. 14, 59. 4 Макк. 5, 18. Иез. 16, 28. 29), т. е. и при таком говорении не послушают Меня, говорит Господь» (1 Кор. 14,21). Бог чрез пророка Исаию (гл. 28) угрожал, что Он за то, что народ израильский не был более верен Ему, перестал слушать увещания пророков и, оставив веру, лишь насмеялся над их речами, Он пошлет на него народы, говорящие иными языками, и таким образом будет вразумлять его грозными событиями, но вместе с тем Бог предсказывает, что неверный народ израильский, не смотря на вразумление чрез этих чужеземцев, все таки не послушает Господа, не обратится к Нему. Этим предсказание судьбы неверующего Израиля чрез Исаию, в перифразе, как типологическим пророчеством о даре языков, теперь и воспользовался Ап. Павел для уяснения значения дара языков по отношению к неверующим. Из слов Исаии он делает совершенно верное логически заключение: «следовательно¹⁴, языки (*αἱ γλώσσαι*) суть знамение (*εἰς σημεῖον*) не для верующих, но неверующих (поскольку Иегова «ἐν ἑτερογλώσσοις» древле заговорил Израилю только тогда, когда тот перестал веровать в Него). Но из последних слов Исаии: «и все же не послушают Меня», Апостол пока не делает вывода в приложении к дару языков. Он пока прерывает свое заключение и выводит прямо из слов Исаии не вытекающее заключение о даре пророчества: «пророчество же не для неверующих, но для верующих» (1 Кор. 14. 22), (ибо Иегова, пока народ израильский не отступал от Него обращался к Своему строптивому народу только через пророков). Сделав такой вывод, Апостол ставит точку. Но, приводя слова Исаии, он отнюдь не забывает своей основной мысли, которую всесторонне старается доказать Коринфянам. С самого начала 14-ой главы (стт, 1—19) Апостол доказывал преимущество пророчествующего пред глаголющим языками, на том основании, что дар языков без дара истолкования бесполезен для назидания Церкви, т. е. для верующих. Теперь ту же мысль он обосновывает с новой стороны, с точки зрения сравнительной пригодности дара языков и дара пророчества для обращения неверных, с точки зрения христианской миссии. Вывод Апостола из слов пророка о значении дара языков для неверующих читателям послания оставалось только дополнить такую мыслью: дар языков ценнее дара пророчества, ибо последнее бессильно в деле обращения неверных, а это обращение неверных в очах Божиих ценнее назидания верующих (срв. Иак. 5, 20. Лк. 5, 32. Мф. 9, 13. Мр. 2, 17. Лук.

¹⁴ ὥστε со след. indic. в логич. выводе=ergo, следовательно, посему,—срв. Мо. 12, 12. 19, 6. 23, 31 Мрк. 2, 28. 10, 8. Рим. 7, 4. 12. 13, 2. 1 Кор. 3, 7. 7, 38. 11, 27. 2 Кор. 4, 12. 5, 16 сл. Гал. 3, 9. 24. 4, 7. 16,—русское «итак»—правильно, но недостаточно ясно оттеняет связь с предыдущим.

15, 10. 1 Тим. 1, 15), следовательно, говорящий языками, как миссионер, выше пророчествующего... Тем с большей убедительностью Апостол мог теперь указать Коринфянам на ошибочность этой мысли, которая неизбежно должна была мелькнуть в умах читателей. Он возвращается теперь к выводу, который, по отношению к дару языков, следует из последних слов Исаии, и которого он еще не сделал. Верно, по словам пророка, дар языков— «знамение» для неверных, но верно и то, что это «знамение» не обратит неверных к вере, так как и это ведь предсказал тот же пророк: «и все же не послушают Меня, говорит Господь». Апостол и пишет: «Если теперь (*οὖν*¹⁵) вся Церковь сойдется в одно место (*ἐπὶ τὸ αὐτὸ*) и все (глоссогалы коринфской церкви) будут говорить языками, войдут же незнающие (*ἰδιῶται*, никогда не слышавшие о существовании у вас такого сверхъестественного дара, или неверы (*ἄπιστοι*), не признающие никаких сверхъестественных явлений, то не скажут ли они, что вы безумствуете?» (I Кор. 14, 23). «Безумствуете»— вот результат глаголения языками незнающим и неверам, когда оно не сопровождается даром истолкования, а вовсе не обращение их к вере во Христа, как и предсказано пророком. Совсем не то будет, если те же самые *ἰδιῶται* и *ἄπιστοι* услышат в церковном собрании христиан вполне понятную для них речь пророка. «Но если, продолжает Св. Павел, все будут пророчествовать, войдет же какой-нибудь неверующий или незнающий (*ἄπιστος ἢ ἰδιώτης*), то он обличается всеми, всеми судится (14,23), тайны сердца его обнаруживаются, как тайны Нафанаила и самарянки, и таким образом он, как те, пав ниц, поклонится Богу, возвещая, что истинно среди вас присутствует Бог (*ὅτι ὄντως ὁ Θεός ἐν ὑμῖν ἐστίν*,—14,25, срв. Иоанн. I, 45—49. 4; 16—19), Итак, дар пророчества и в деле миссии приносит очевидный плод, несомненную пользу, следовательно, и в этом отношении «глаголющие языками», имея очевидное знамение присутствия Св. Духа в себе, все-таки не могли превозноситься пред пророками; их дар, если он не соединялся с даром истолкования, не приносил осязательной пользы не познавшим еще Христа. Доказать с новой точки зрения большую полезность дара пророчества сравнительно с даром языков и было целью разобранного отдела (I Кор. 14, 21—25). Этою целью определяется и весь смысл его, а этот смысл, как мы видели, за древний перевод *μαίνεσθε* и против «божественной мании». Как, далее, «незнающие и неверы» могли разделять «восторг» глоссогалы, когда они не понимали речи последнего: о толкователях у Апостола в данном месте ведь нет ни полслова? При чем «но» (*δέ*) у Апостола в ст. 24, когда Павел переходит к речи о пророчестве, если *μαίνεσθε* = «вдохновляйтесь». «Богодухновенны»? Это ведь то же самое, что и «истинно с вами Бог». И впечатление от языкоговорения христиан и от их пророчества было не разное, как у проф. Муретова: одно у *ἰδιῶται*, другое—у *ἄπιστοι*. Где у Апостола намек на «глумления и насилия под истинною и святостию», остановить которые и ниспослан был Церкви «дар языков»? Почему непременно настаивать на «устрашающем только» влиянии глоссогалы на неверие (*ἄπιστοι*)? Зачем утверждать, что пророческая речь могла озлоблять, «только злить и раздражать неверов (*ἄπιστοι*), вызывая в них зверские влечения», когда слова Апостола не дают для такого утверждения никакого права? По Апостолу и *ἰδιῶται* и *ἄπιστοι* совершенно одинаково, с одной стороны, говорят: «безумствуете», с другой,— «истинно с вами Бог».

Если незнающие и неверующие на речи глоссогалов отвечали: «безумствуете», то какое же в этом знамение для них? Было знамение. Пусть по первому впечатлению, по неведению, или неверию, они не видели в глаголении языками силы Божией, а лишь говорили— «безумствуете». Но и этого было вполне достаточно. Если они все-таки сказали— «безумствуете», а не прошли с молчанием мимо этого явления, то несомненно внезапное безумие глоссогалов, которое столь же внезапно кончалось, хоть на минуту

¹⁵ Это *οὖν* показывает, что Апостол возвратился к прерванному выводу из пророчества Исаии по отношению к дару пророчества. В данном случае, в речи Апостола можно видеть т. н. epianalepsis. Поэтому *οὖν* лат. =igitur, а нем. also или nun «теперь», срв. Иоанн. 6, 24. 19, 24. 1 Кор. 8, 4. 11, 20. Winer Crammatik des neutestamentlichen Sprachidioms Leipzig 1844. 1. 523. Zorell, p. 411.

остановило на себе их внимание, дало толчек хотя бы только их любопытству. Это последнее уже должно было поставить в их сознании вопрос: «Что это значит?» А ответ на этот вопрос они могли найти только у христиан, и те, удовлетворяя их любопытству, конечно, не забывали сеять в сердца язычников слово Божие. Таким образом, *косвенно*, дар языков *служил и делу проповеди о Христе, но по существу своему не был предназначен для неё*. Более того. Быть даже только знамением для неверных не первая и не главная цель ниспослания Церкви дара языков. Если бы «языкоговорение» было знамением *«только для неверов и неверия»*, то глоссоалалы говорили бы лишь в присутствии неверных. Однако, по Апостолу, во время произнесения глоссоалалической речи присутствие неверных совсем не обязательно (срв. 14, 23: «если войдут»). И в день Пятидесятницы галилеяне начали «иными языками» славословить «величия Божия» тогда, когда их славословия еще некому было слушать (Деян. 2, 4, срв. 6). А когда настал момент бросить первое семя благовестия о Христе воскресшем в сердца собравшегося народа, то с проповедью выступили не все глаголавшие галилеяне, каждый на своем языке, а один Ап. Петр и, несомненно, на обычном арамейском языке (2, 14). Необязательное присутствие неверующих в качестве слушателей речей глоссоалалов ясно свидетельствует о том, что эти речи имели значение прежде всего для самих верующих, и даже в том случае, когда дар языков не соединялся с даром истолкования. Правда, в последнем случае он был бесполезен для всего собрания верующих, но он был полезен для верующей личности. Верующий, получивший этот дар, мог видеть в нем очевидное свидетельство неложности своей веры, он назидался своей речью (1 Кор. 14, 4), он мог с помощью этого дара «хорошо благодарить» (14, 17). Вот почему христиане, слишком высоко ценя это яркое доказательство присутствия Св. Духа в верующем, стремились получить его. Вот почему и Ап. Павел, настаивая на том, что пророчествующий более говорящего языка, однако, всячески старается оттенить то, что дар языков сам по себе не «ниже» пророчества. Как дар Св. Духа, он не менее ценен, чем всякий другой дар того же Св. Духа, и Апостол желает, «чтобы все говорили языками» (14, 5), благодарить Бога за то, что сам он «более всех» Коринфян говорит языками (14, 18); глоссоалалам заповедует в церкви молчать, но «себе и Богу» все-таки говорить (14, 28), а верующим пишет: «не запрещайте говорить в языками» (14, 39). Вот почему и сам Христос назвал дар языков «знамением для верующих» (Мр. 16, 17).

Итак, дар языков и по Ап. Павлу, и по Св. Луке,—вдохновенная, чудесная молитвенная речь, изливавшаяся из уст верующего в силу непосредственного воздействия Св. Духа, на том языке, на каком давал проповедать ее Св. Дух, следовательно, глоссоалал, поскольку это зависело от Св. Духа, мог «всеми языки языков» глаголати. Но его речь прямо не служила делу проповеди о Христе, а была лишь знамением прежде всего для верующих, а затем и для неверующих, и, конечно, косвенно, как чудо, служила и делу христианской миссии.

После такого определения глоссоалалии нет ничего удивительного в том, что Ап. Павел не касается вопроса,—на каких языках говорили коринфские глоссоалалы, а Св. Лука ничего не сообщает о том, какие глоссоалалы и какому языку научились в Пятидесятницу. Да они при всем желании не могли этого указать: «иным языкам» глоссоалалы не научились, а лишь получали чудесную способность в одно время говорить на одном языке, в другое—на другом. Естественно после этого, что Апп. Петр и Павел пользовались толмачами, что новозаветные писатели не знали в совершенстве греческого языка и т. д.

Из всего вышеизложенного следует, что отрицать историческую достоверность рассказа Св. Луки в 2-ой главе Деяний на том основании, что Лука вносит в изображение дара языков такие черты, которых нет у Ап. Павла, нет смысла: Св. Лука и Ап. Павел только дополняют и уясняют друг друга, но ничуть не противоречат друг другу. А если Zeller, Spitta и др., отказав в исторической достоверности рассказу Св. Луки, источник его видят в иудейском предании, по которому Пятидесятница была праздником в

воспоминание Синайского законодательства, то это еще и несправедливо. Тюбингенские критики утверждают, что «иудейство уже во время Иисуса рассматривало Синайское законодательство, как данное не только народу Израильскому, но и всем языческим народам именно при помощи чуда языков: звук Божественного голоса с Синае достигал до границ земли, чтобы слышали его и не присутствовавшие при Синае и чтобы им было также указано на закон. В этом смысле рассказывает, о Синайском законодательстве Филон (De Septenario ed. Mangey II, 295. De Lecalogo § 9, ed. Sohn Wendland IV, 33; §11, — IV, 46) Это Филоновское представление Синайского законодательства (будто-бы)— очевидная религиозно— историческая параллель к истории Пятидесятницы, как чуда языков, и иудейское предание, которое передает Филон, должно рассматриваться, как основа дальнейшего развития первоначального (=свидетельству Ап. Павла о даре языков) рассказа о Пятидесятнице в подобное чудо языков. Как законодательство на Синае, изливание Св. Духа должно быть понято, как Божественное свидетельство универсализма христианского благовестия. Этот рассказ есть доказательство того, что Лука христианскую религию ставит на место иудейской, именно, так как он несомненно выставляет её характер как мировой религии» (Feine). Но указывать на юдаистический источник повествования Луки совершенно неосновательно. Ветхозаветная Пятидесятница была праздником жатвы (Исх. 23, 16. Числ. 28, 26). В Библии ничего не говорится об отношении её к Синайскому законодательству, она не была праздником в память его. Не говорят еще об этом ни Филон, ни Иосиф Флавий. Св. Иоанн Златоуст прекрасно выясняет символически—образное значение Пятидесятницы также только, как праздника жатвы: «когда надобно было пустить в дело серп слова, когда нужно было собирать жатву,—тогда, как изощренный серп, прилетает Дух». И Св. Лука ни единым словом, ни единым намеком не пытается установить связь Пятидесятницы с дарованием закона на Синае. Св. Лука даже не упоминает о Синае. Пятидесятницу, как праздник в память Синайского законодательства, стали рассматривать лишь раввины. Правда, раввинское объяснение принимают блаж. Иероним, Исидор Пелусиот, Севериан, еще шире развивает его Феофилакт. Но в нашей литературе уже прот. Полотебнов в своем комментарии на кн. Деяний указывал на отсутствие связи между Синайским законодательством и Пятидесятницей, и это вполне отвечает как В. Завету (ссылки на Исх. 19, 1. 10. 11 и 13, 3—неубедительны), так и рассказу Деяния. Если позднейшие толкователи нашли связь между Синаем и Сионской горницей, то Св. Лука в этом неповинен. Следовательно, считать его повествование о дне Пятидесятницы лишь переделкой иудейского предания— неосновательно, да и не нужно: в этом повествовании, как сказано, нет ничего, что не оправдывалось бы свидетельством о глоссолалии Ап. Павла. Следовательно, по логике самой отрицательной критики, в этом повествовании нет и ничего невероятного, так как свидетельство Ап. Павла и для неё безусловно верно.

В. Суханов.

Извлечено из № 12 и 13 журн. «Вера и Жизнь». 1914 год.

Мои конспекты

История церкви, патрология, богословие . . .

<http://www.mystudies.narod.ru>